

ФИЛОСОФИЯ

ГНОСЕОЛОГИЧЕСКАЯ РОЛЬ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ: БОГОСЛОВСКО- АНТРОПОЛОГИЧЕСКАЯ ПЕРСПЕКТИВА

Рупова Розалия Моисеевна

доктор философских наук, доктор богословия
доцент по кафедре библеистики и по кафедре богословия
Московской духовной академии,
141300, Сергиев Посад, Троице-Сергиева лавра, Академия
rozaliya-rupova@yandex.ru

Для цитирования: Рупова Р. М. Гносеологическая роль отечественной литературы: богословско-антропологическая перспектива // Вопросы богословия. 2026. № 1 (15). С. 23–35. DOI: 10.31802/PWG.2026.15.1.002

Аннотация

УДК 821.161.1.09:27-1

В статье, написанной в жанре литературно-философского эссе, автор прослеживает генезис отечественной литературы, показывая её тесную связь с духовной традицией Православия, наблюдает её исторические изменения, её диалог с западной культурой. Рассматривая творчество ряда писателей — от Нестора Летописца до Ф. М. Достоевского, автор показывает их единство в системе координат православной духовной традиции — при всём разнообразии литературных форм и жанров. Кроме того, автор отмечает гносеологическую роль русской литературы в познании человека, превосходящую возможности психологии, философии, социологии — в силу имплицитно присутствующей в ней православной антропологии. Это познание — личностное, а не рациональное. Именно оно легло в основу развития ключевых направлений православного богословия XX–XXI веков.

Ключевые слова: русская литература, православная антропология, духовная традиция.

The epistemological role of Russian literature: theological and anthropological perspective

Rupova Rozaliya Moiseyevna

Doctor of Philosophy, Doctor of Theology

Associate Professor in the Department of Biblical Studies

and the Department of Theology of the Moscow Theological Academy

141300, Sergiev Posad, Trinity Lavra of St. Sergius, Academy

rozaliya-rupova@yandex.ru

For citation: Rupova, Rozaliya M. "The Epistemological Role of Russian Literature: Theological and Anthropological Perspective". *Theological questions*, no. 1 (15), 2026, pp. 23–35 (in Russian). DOI: 10.31802/PWG.2026.15.1.002

Abstract. In the article, written in the genre of a literary and philosophical essay, the author traces the genesis of Russian literature, showing its close connection with the spiritual tradition of Orthodoxy, observes its historical changes, its dialogue with Western culture. Considering the work of a number of writers — from Nestor the Chronicler to F. M. Dostoevsky, the author shows their unity in the coordinate system of the Orthodox spiritual tradition — with all the diversity of literary forms and genres. In addition, the author notes the epistemological role of Russian literature in the knowledge of man, surpassing the capabilities of psychology, philosophy, sociology — due to the implicit presence of Orthodox anthropology in it. This knowledge is personal, not rational. It formed the basis for the development of key areas of Orthodox theology in the twentieth–first centuries.

Keywords: Russian literature, Orthodox anthropology, spiritual tradition.

Если оглянуться на историю русской культуры, то мы не увидим ничего подобного её западному формату. Прежде всего, европейская философия христианской эры начала активно наращивать свои обороты после отпадения Римской церкви в 1053 г. и была плодом процесса секуляризации, ставшего магистралью развития всей западной цивилизации. На момент Великой схизмы новокрещенная Русь делала свои первые шаги в христианстве, но уже принесла уникальные и зрелые плоды святости в лице князей-страстотерпцев Бориса и Глеба. Их смерть была свидетельством не книжного, но жизненного принятия учения Христа. По пути именно такого усвоения обретенной веры пошла русская культура, для которой письменная рефлексия на протяжении многих веков духовного становления носила фоновый характер. При этом, если посмотреть на исторические факты укрепления городов, строительства множества монастырей, военного противостояния как Западу — в лице ливонских рыцарей, так и Орде с Востока с её превосходящей мощью — то можно засвидетельствовать поступательное развитие русской государственности по типу византийской империи, взявшей на щит христианство. Разумеется, проблематичность для государственных структур в условиях непрерывного военно-политического противостояния выдерживать высокую планку христианской линии во внутренней и внешней политике, как в Византии, так и в следовавшей ей России, приводили к большим и малым потрясениям. При этих поправках, очевидно, что культурная традиция на Руси в течение многих веков, практически, совпадала с духовной и процесс их дистанцирования стал все заметнее обозначаться под влиянием секулярной культуры Запада, по мере установления с ним более тесных и разнообразных связей.

Философия на Руси, как часть культурной традиции, также в течение долгого времени, фактически, «примыкала» к духовной, была её верной служанкой и развивала, преимущественно, религиозно-этический дискурс. Не имея, в отличие от западной культуры, столь мощного философского античного наследия, русская мысль ко времени ослабления пресса исторических обстоятельств (от Орды до Смутного времени и церковного раскола XVII века), в XVIII веке оказалась перед лицом тщательно разработанной и активно действующей философии Запада: «не одно только богатое *прошлое*, но и живая философская современность вставала перед русскими умами в таком богатстве и силе, что это не только пробуждало философские интересы, но и стесняло их»¹. Эта

1 Зеньковский В. В. История русской философии. Том 1. Часть 1. Ленинград: «ЭГО», 1991. С. 12

реальность имела как свои негативные следствия — обрекая на неизбежность ученичества и зависимость, так и позитивные — живое и творческое влияние неизбежно стимулирует собственное развитие. Развиваясь, сочетая западный философский инструментарий с собственной проблематикой, отечественная философия постепенно обретала собственное лицо. Но при этом «русская мысль всегда (и навсегда) осталась связанной со своей религиозной стихией, со своей религиозной почвой; здесь был и остаётся главный корень своеобразия, но и разных осложнений в развитии русской философской мысли»².

Говоря о развитии русской мысли, следует учесть её специфику, весьма наблюдательно подмеченную Н. Г. Чернышевским: «В нашем умственном развитии литература играет более значительную роль, нежели французская, немецкая, английская литература в умственном развитии своих народов <...> Литература у нас пока сосредоточивает почти всю умственную жизнь народа <...> она имеет какое-то энциклопедическое значение <...> То, о чем говорит Диккенс в Англии, говорят философы, юристы, публицисты, экономисты и т. д. У нас, кроме беллетристов, никто не говорит о предметах, составляющих содержание их рассказов»³. Можно сказать даже больше: литература на Руси не просто сосредоточивала в себе «всю умственную жизнь народа», но имела в себе библейское измерение. Это проявлялось, прежде всего, в том, что отечественная литература (с её разными жанрами) события русской жизни — как исторического масштаба, так и личные судьбы попавших в фокус внимания людей, ставила в координаты библейской ценностной и смысловой перспективы. Если идти «от корней», то сам церковнославянский язык, творение святого равноапостольного Кирилла, был создан для христианского просвещения славян. На нём звучала только церковная речь и писались исключительно тексты, принадлежащие религиозной традиции Православия. До сих пор на этом языке отсутствуют сочинения, содержащие что-либо греховное.

Величайшими именно литературными творениями Древней Руси были летописи, сохранившиеся в большом количестве списков, несмотря на опустошительные пожары и набеги ордынцев. Как пишет профессор М. В. Шахматов, «значение этого великого литературного наследства до сих пор ещё изучено недостаточно всесторонне, хотя ему посвящено уже немало научных исследований»⁴. Рассуждая о смысле

2 Там же.

3 Чернышевский Н. Г. Избранные философские произведения. Т. 1. М., 1950. С. 789.

4 Шахматов М. В. Государство правды. М.: Издательство «ФондИВ», 2008. С. 21

исторических событий, летописец «ищет его не путями мудрости человеческой, свободного разума, а мудрости Божией. Он отвергает способ мышления «оных древних философ Еллинских» и ищет ответа в более «достоверном разуме Божественного Писания» и в «зерцале» исторических событий, являющих волю Божию»⁵. Именно такой подход к событиям присутствует и в «Повести временных лет» Нестора Летописца, где не просто фиксируются исторические факты, но раскрываются в их смысловой полноте, ключ к которой — Священное предание Церкви: «Владимир же был рад, что познал Бога сам и люди его, воззрел на небо и сказал: “Христос Бог, сотворивший небо и землю! Взгляни на новых людей этих и дай им, Господи, познать тебя, истинного Бога, как познали тебя христианские страны. Утверди в них правильную и неуклонную веру, и мне помоги, Господи, против дьявола, да одолею козни его, надеясь на тебя и на твою силу”»⁶.

Знаменательный характер имело «Слово о законе и благодати» святителя Илариона Киевского, в котором историософски осмыслена судьба русского народа как часть Священной истории: «скажу не Моему народу: «вы Мой народ», а он скажет Мне: «Ты Господь Бог наш!». И так, будучи чуждыми, мы людьми Божиими нарекались и, бывшие врагами, мы сынами Его прозывались»⁷. История русской литературы ознаменована и собственным славным именем Моисея — игумена Выдубицкого монастыря в Киеве, создателя гениального «Слова о полку Игореве», чьё авторство установлено и обосновано в наше время⁸. Следует отметить существенную черту русской литературы, которой она изменила только в XX веке — её *сотеариологический* характер, то есть направленность на тему спасения человека в мире, постановку в ней ключевых вопросов бытия. Западная литература носит *эвдемонический* характер, ориентируя человека на получение радости в этом мире.

Вся европейская культура, опирающаяся на две мощные опоры: иудео-христианскую библейскую традицию и языческое греко-римское классическое наследие, переосмысленное и освящённое в христианском культурно-богословском синтезе, может рассматриваться как расширенный

5 Там же.

6 *Нестор Летописец*. Повесть временных лет. URL: <https://lib.pravmir.ru/library/readbook/3693?ysclid=mdw5j40ph0134876552> (Дата обращения: 4.08.2025).

7 *Иларион, святитель Киевский*. Слово о законе и благодати. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Illarion_Kievskij/slovo_o_zakone_i_blagodati/ (Дата обращения: 3.08.2025).

8 Эта гипотеза весьма убедительно обоснована в книге: *Ужанков А. Н.* «Слово о полку Игореве» и его автор. М.: «Согласие», 2020.

комментарий к Священному Писанию. Но отпадение Запада от единого тела Церкви привело к глубокой деформации не только религиозной традиции, но и широкого поля культуры, активно двинувшейся в сторону секуляризации. Эти процессы, при активизации международных связей России, не могли не затронуть и её. Но, поскольку духовная традиция, унаследованная от неразделенной Церкви, осталась непоколебленной (притом, что религиозная традиция в эпоху Петровских реформ претерпела мучительные изменения) — культура, питаемая от корней Православия, выстраивалась существенно иначе, чем на Западе.

Внешний ряд событий в отечественной литературе был не столь благополучен. Как и вся культура, она пережила встречу с Западом. Время Петра I (1682–1725), когда было «прорублено окно в Европу», пришлась на эпоху европейского Барокко (1600–1750) в её зрелости и завершении. «Именно в XVII веке мы можем наблюдать начало мощного и в основе своей безблагодатного западного воздействия на всю русскую жизнь»⁹. Религиозная тематика при этом только постепенно уступала место светской. Декоративная избыточность и напористый эстетизм художественных форм Барокко, пришедшие на Русь, резко контрастировали с духовным аскетизмом русского иконописания и храмовой архитектуры. «Фряжское письмо» — стилистика живописи, идущая от Ренессанса, начало теснить греко-византийский стиль отечественного церковного искусства и украшать стены новопостроенных храмов и дворцов. Парсуны мастера Симона Ушакова (1626–1686) — яркий пример переходной художественной формы от иконы к портрету. Духовная подмена произошла на другом уровне. *Парадигма обожения*, ключевая для Восточно-христианской традиции, в соответствии с которой человек, восходя по духовной Лестнице, ценой аскетических усилий, может достичь благодатного состояния обожения — была потеснена так называемой *парадигмой сакрализации*, когда статус святости директивным путём назначается, присваивается тем или иным сферам культуры или власти¹⁰. Это ещё не секуляризация культуры, но уже прямой путь к ней. Культурная традиция начинает дистанцироваться от духовной и порождать свои собственные формы вне Церкви. Появляется светское искусство. Отойдя от канонического иконописного образа преображённого богоподобного человека, обмирщённая религиозная живопись XVII века

9 Дунаев М. М. Вера в горниле сомнений. Православие и русская литература в XVII–XX вв. М.: Издательский совет РПЦ, 2003. С. 10.

10 См.: Хоружий С. С. Исихазм в Византии и России: исторические связи, антропологические проблемы // С. С. Хоружий. О старом и новом. СПб.: Алетея, 2000. С. 214.

и Бога стала изображать подобным этому непреображённому человеку. Невербальный язык живописи отразил тот процесс, который на философской почве начала XIX века Л. Фейербах (1804–1872) выразит словами: «человек создал Бога по своему образу и подобию»¹¹.

Петровские реформы, инициированные царём, протестантски мыслящим, которого впоследствии М. Волошин назовёт «первым большевиком»¹², под видом соприкосновения двух культурных традиций, были, по сути, столкновением двух религиозных миров: западного, опирающегося на католицизм, либо на протестантизм, и восточного, ядром которого является православная духовная традиция. Рассматривая все процессы в культуре, нельзя упускать из вида эту её изначальную укоренённость и связь с культом, непрекращающийся диалог с ним в том или ином формате. Максимальное проявление это столкновение миров имело в антропологическом аспекте: европейский гуманизм Нового времени, превознесший человека над Богом, давший ему санкцию самоуправления в мире, был противопоставлен гуманизму Православия, опирающемуся на теоцентрическую антропологическую парадигму, в которой центральная роль человека во Вселенной обусловлена его богообразностью. Пафос Просвещения, расцветшего на почве европейского Романтизма (1750–1850), начав с прославления разума, способного переустроить общество на разумных и справедливых началах, показал своё подлинное лицо в разгуле кровавой вакханалии Французской революции.

Эти волны, доходя порой до штормовых амплитуд, колебали воды русской жизни. Один из таких штормов — Декабристское восстание 1825 года — манифестация социального романтизма, плод идей европейского Просвещения. По мысли протоиерея Г. Флоровского, высказанной им в работе «Спор о немецком идеализме»: «идеалистическое мировоззрение, проявлением которого является романтизм, несовместимо с христианским, поскольку имеет эллинские языческие корни и, в особенности, неоплатонические. В идеализме мир предстаёт в красоте и законченности, в нём преобладает эстетический пафос, для которого характерно пантеистическое мирозерцание, когда «без мира Бога нет»¹³.

11 *Фейербах Л.* Сущность христианства // URL: <https://www.litres.ru/book/ludvig-andreas-feyerbah/suschnost-hristianstva-68054012/chitat-onlayn/> (дата обращения 27.07.2025).

12 См.: *Дунаев М. М.* Вера в горниле сомнений. Православие и русская литература в XVII–XX вв. М.: Издательский совет РПЦ, 2003. С. 22.

13 *Флоровский Г. В.* Спор о немецком идеализме // *Флоровский Г. В.* Из прошлого русской мысли. М.: Аграф, 1998. С. 417.

Библейская мера русской литературы ярко проявляет себя в разных литературных жанрах. Подобно тому, как Священное Писание содержит книги законоположительные, исторические, учительные и пророческие, в отечественной литературе можно найти неожиданные аналоги. Творчеству царя Давида, создателя Псалтири, можно уподобить вдохновенные оды М. В. Ломоносова (1711–1765) и Г. Р. Державина (1743–1816), прославляющие Творца Вселенной. У Г. Р. Державина в известной оде «Бог» можно встретить концентрированную поэтически выраженную теоцентрическую антропологию:

... А я перед Тобой ничто.
Ничто! Но Ты во мне сияешь
Величеством Твоих доброт;
Во мне Себя изображаешь,
Как солнце в малой капле вод.
Ничто! — Но жизнь я ощущаю,
Тебя взыскаю, обретаю
Всегда пареньем в высоты;
Тебя душа моя быть чаёт,
Вникает, мыслит, рассуждает:
Я есмь — конечно есть и Ты!¹⁴...

С учительными книгами Премудрости сопоставимы басни И. А. Крылова (1769–1844). В них можно найти не только нравоучительные сентенции, полезные в отрочестве, но и глубокие рассуждения в жанре притчи, а также духовный взгляд на политические процессы, происходящие в мире:

«Плоды неверия ужасны таковы;
И ведайте, народы, вы,
Что мнимых мудрецов кощунства толки смелы,
Чем против божества вооружают вас,
Погибельный ваш приближают час,
И обратятся все в громовые вам стрелы»
Крылов И. А. Безбожники
«Не ты ли величал безверье Просвещеньем?
Не ты ль в приманчивый, в прелестный вид облёл
И страсти, и порок?»
Крылов И. А. Сочинитель и разбойник

14 Текст представлен в авторской редакции, не нарушающей мысли и содержания исходного текста.

Перейдём к А. С. Пушкину — «чрезвычайному и пророческому явлению русского духа»¹⁵. Обладая гениальным поэтическим даром, он прошёл за свою недолгую жизнь непростой путь от светского повесы и вольнодумца до высот духовной мудрости, выразившейся в его поэзии. Более того, он поднял значение поэзии до уровня пророчества — этого не знала литература Запада.

«Восстань, пророк, и виждь и внемли,
Исполнись волею Моей.
И, обходя моря и земли,
Глаголом жги сердца людей»

А. С. Пушкин. Пророк

Античная литература видела в поэтической экзальтации род пророческого безумства. Но А. С. Пушкин осмыслил поэзию в духе православной синергии, соработничества поэта с Богом, приносящего духовный плод.

«Веленью Божию, о, муза, будь послушна...»

В его поэзии находим и святоотеческий уровень понимания духовной жизни — в переложении молитвы преп. Ефрема Сирина, читаемой в Великий пост: «Отцы-пустынники и жены непорочны...». М. М. Дунаев отмечает, что в этом стихотворении, написанном незадолго до смерти, подводится итог духовному пути автора. Более того, изменив порядок молитвенных прошений относительно текста преп. Ефрема, А. С. Пушкин выстраивает свою «лестницу» духовного восхождения от смирения и терпения к любви и целомудрию, понимаемому, как *цельная мудрость*, высшая ступень аскетических трудов¹⁶. Полифония высоких смыслов и запредельная красота и сила слова — вот те сокровища, которые мы обретаем в творчестве А. С. Пушкина. И не только. Христианская мысль об истории показала в образе Емельяна Пугачева и его сподвижников «бессмысленность и беспощадность бунта» как такового, его принципиально богоборческий характер, проявившийся во всех революциях — отечественных и зарубежных.

Наше обращение к русской литературе не может быть сколько-нибудь полным. Но, следуя мысли, что о горном хребте надо судить по вершинам, оглянемся ещё на некоторые. Одной из таких вершин является

15 Из Пушкинской речи Ф. М. Достоевского 8 июня 1880 г. // URL: <https://yandex.ru/video/preview/3660480943973976298> (Дата обращения 7.08.2025 г.).

16 См.: Дунаев М. М. Вера в горниле сомнений. Православие и русская литература в XVII–XX вв. М.: Издательский совет РПЦ, 2003. С. 85.

М. Ю. Лермонтов (1814–1841). Гениальность поэтического дара, обретшего питательную среду в Романтизме, который переживала европейская культура и, синхронно с ней, Россия, нашла полное созвучие с молодостью поэта, по природе своей — романтическим периодом жизни. Но непроработанность лермонтовской Теодицеи, его гордые и богоборческие утверждения, эстетизация демонического начала — видятся причиной трагической гибели поэта. Кроме того, можно согласиться с тем, что «Лермонтов как мыслитель оказался предшественником, не для всех явным, ницшеанских идей о сверхчеловеке»¹⁷. Подобно тому, как в европейской культуре совпали к середине XIX века конец эпохи Романтизма с концом немецкой классической философии, в России тупик романтизма выразил в своём творчестве (да и в жизни тоже) М. Ю. Лермонтов.

Если мы обратимся к Н. В. Гоголю (1809–1852), то можем увидеть параллелизм панорамы греховных характеров его «Мёртвых душ» с фантазмагорическим миром гротескных персонажей полотен Иеронима Босха (1450–1516), бичующего пороки, или с гравюрами его последователя Питера Брейгеля Старшего (1525–1569), давшего библейский и, одновременно, космический масштаб происходящих в сельском антураже событий народной жизни. Отметим и эсхатологическую проблематику, прежде всего, гоголевского «Ревизора», представленную в гротескно-символической форме. Как писал о нём К. Мочульский: «В нравственной области Гоголь был гениально одарён; ему суждено было круто повернуть всю русскую литературу от эстетики к религии...»¹⁸.

Федор Иванович Тютчев (1803–1873) — не претендуя на роль *властителя умов*, употребил свой гениальный поэтический дар как инструмент познания глубин человеческой души. В фокусе его внимания — пограничные состояния сознания, которые он выражает через мимолётные, почти неуловимые состояния природы. При этом, природа для него — совершенно в духе средневековой естественной теологии (*Theologia Naturalis*) — Книга, повествующая о Творце. Имея православный взгляд на человека, историю, природу, он не раз в своих созерцаниях подходил к той границе, за которой уже начинается зона неправославного мирозерцания, в частности — пантеизм. При этом, он не переступал её. Ему было свойственно понимание ложности гуманистического эгоцентризма — совершенно в духе православной антропологии он исповедовал теоцентричность человека. Его творчество — редкий пример глубокой политической мысли, выраженной языком поэзии.

17 Там же. С. 123.

18 Мочульский К. В. Духовный путь Гоголя. Париж, 1976.

Весьма ценное научно-антропологическое значение, имеет образ бытия человека в мире, созданный поэтом — разрушающий секулярную модель существования индивида, ставшую основой для целого комплекса социальных наук:

Небесный свод, горящий славой звездной,
Таинственно глядит из глубины, —
И мы плывём, пылающе бездной
Со всех сторон окружены.

Отметим и несомненный факт его противостояния европейской науке Нового времени, идущей от Декарта, который радикально выхолостил, обезличил материальный мир, развёл его с духом, обесцветил в материи всё то, что делало её способной быть созвучной человеку, отзываться на его призыв, превратив в объект хозяйствования, извлечения прибыли, *постав* (по Хайдеггеру). Эта позиция выражена у Ф. И. Тютчева в гениальной поэтической формуле:

Не то, что мните вы, природа:
Не слепок, не бездушный лик;
В ней есть душа, в ней есть свобода,
В ней есть любовь, в ней есть язык...

Творчество Ф. М. Достоевского (1821–1881) представляет собой явление культуры, далеко выходящее по своему значению за рамки литературы как таковой. Он буквально измерил человека мерой христианской, вскрыв с её помощью антропологию греха в его генезисе — на индивидуальном уровне («Преступление и наказание», «Братья Карамазовы») и на социальном («Бесы»). Проведя свою *Осанну* через горнило сомнений, он завещал её нам. «Вне Православия Достоевский постигнут быть не может»¹⁹ — все попытки свести логику его экзистенциальной драматургии к психологии, к общечеловеческим ценностям, к жанровой специфике оказываются весьма убогими. Он на живых примерах показал религиозный смысл бытия человека в обществе. А его мысль, ставшая афоризмом: «Если Бога нет, то всё можно» — предельное выражение установки для понимания цивилизационных путей.

Перебирая самоцветы в сокровищнице русской литературы, мы выбирали наиболее яркие образцы, полагаясь на собственные предпочтения, не умаляя достоинства и значения других имён, оставшихся вне

19 Дунаев М. М. Вера в горниле сомнений. Православие и русская литература в XVII–XX вв. М.: Издательский совет РПЦ, 2003. С. 317.

поля зрения. Тем не менее, творчество отобранных авторов позволяет говорить о том, что отечественная литература, как часть культуры, всегда представляла собой традицию, примыкающую к духовной традиции Православия и носила сотериологический характер, то есть ставила вопросы о спасении, невозможном без Христа.

Общефилософские выводы из нашего обзора могут быть следующими.

Отечественная литература, опирающаяся на библейское понимание человека, имплицитно содержащая православную антропологию, имеет великие преимущества перед другими науками — такими, как философия, социология, психология — поскольку ей открывается уникальная возможность преимущественно личностного, а не рационального познания. Создавая типические образы и ставя их в различные обстоятельства, великая литература изображает личность в богатстве и противоречивости её внутренней жизни, в её проживании истории.

Литература XIX века совпала с развитием экзистенциализма на Западе. Его ключевая фигура — Сёрен Кьеркегор (1813–1855) — сделал попытку вывести человека из-под всевластия философского рационализма, что оказало большое влияние на западную мысль. При этом, его усилия несопоставимы с глубиной и многоплановостью охвата личностного бытия в рамках отечественной литературы.

Антропологический поворот рубежа XIX и XX веков, связанный с цепью военно-политических и социальных катастроф, повлекший за собой центральное положение человека в системе наук и пристальное внимание к нему, был предварён русской литературой с её центральной темой человека. Философское творчество славянофилов, Вл. Соловьева, В. В. Розанова, о. П. Флоренского, о. Сергия Булгакова и Н. Бердяева было бы невозможно без антропологических штудий русской литературы всего предшествовавшего периода. Более того, православное богословие личности, развитое трудами русских философов и богословов послереволюционной эмиграции в Париже — таких как архим. Киприан (Керн), В. Н. Лосский, прот. Иоанн Мейендорф и их западные коллеги, составляющие магистраль неопатристического синтеза прот. Георгия Флоровского — имеет прямое отношение к всемирно-значимой работе, проделанной русской литературой по изучению человека. Концептуализация её плодов, действительно, есть дело философии.

Начало XX века с его социальными катастрофами и разверзшимися безднами изменило и характер литературы. Безрелигиозная идеология породила свои формы культуры — она, продержавшись ещё определённый период на фундаменте христианской нравственности,

произвела целый спектр замечательных произведений первых двух третей XX века. Но позже, взяв за основу идеологию примата коммерческой выгоды, угождения страстям человеческим, развлекательности вместо духовной пользы, вседозволенности, усвоив постмодернистское равнодушие к Истине — изменила своему назначению.

Русская культура, не имевшая того великого античного наследия, которым располагала Европа, в настоящее время совершенно не является бесприданницей. Её богатейшее наследство — созданная предшествующими поколениями культура, в которой ресурс Античности и достижения западной цивилизации прошли переплавку в тигле православного их осмысления. Это определило синтетический характер отечественной культуры и принесло свои живые плоды. Дальнейшее её развитие и благое плодоношение возможно только на этом основании.

Источники

- Достоевский Ф. М.* Пушкинская речь 8 июня 1880 г. URL: <https://yandex.ru/video/preview/3660480943973976298> (Дата обращения 7.08.2025 г.).
- Иларион, святитель Киевский.* Слово о законе и благодати. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Iarion_Kievskij/slovo_o_zakone_i_blagodati/ (Дата обращения: 3.08.2025).
- Нестор Летописец.* Повесть временных лет. URL: <https://lib.pravmir.ru/library/readbook/3693?ysclid=mdw5j40ph0134876552> (Дата обращения: 4.08.2025).

Исследования

- Дунаев М. М.* Вера в горниле сомнений. Православие и русская литература в XVII–XX вв. М.: Издательский совет РПЦ, 2003.
- Зеньковский В. В.* История русской философии. Том 1. Часть 1. Ленинград: «ЭГО», 1991.
- Зеньковский В. В.* История русской философии. Том 1. Часть 1. Ленинград: «ЭГО», 1991.
- Мочульский К. В.* Духовный путь Гоголя. Париж, 1976.
- Ужанков А. Н.* «Слово о полку Игореве» и его автор. М.: «Согласие», 2020.
- Фейербах Л.* Сущность христианства. URL: <https://www.litres.ru/book/ludvig-andreas-feyerbah/suschnost-hristianstva-68054012/chitat-onlayn/> (дата обращения 27.07.2025).
- Флоровский Г. В.* Спор о немецком идеализме // Флоровский Г. В. Из прошлого русской мысли. М.: Аграф, 1998.
- Хоружий С. С.* Исихазм в Византии и России: исторические связи, антропологические проблемы // С. С. Хоружий. О старом и новом. СПб.: Алетейя, 2000.
- Шахматов М. В.* Государство правды. М.: Издательство «ФондИВ», 2008.
- Чернышевский Н. Г.* Избранные философские произведения. Т. 1. М., 1950.